

Чарльз Дж. Гальперин

**Переписывая историю:
Никоновская летопись о взаимоотношениях
Руси с Ордой**

Никоновская летопись была составлена в период изменений в отношениях Руси с татарами. Следовательно, то, каким образом Никоновская летопись переписывает историю взаимоотношений Руси с Ордой, может, во-первых, предоставить нам важные свидетельства относительно той концепции истории, которую в первой трети XVI в. развивала русская церковная элита, а во-вторых, помочь определить, до какой степени вольно могла она обращаться с событиями прошлого, творя новые «исторические воспоминания». Никоновская летопись избегает последовательной стратегии изложения, предпочитая, как и более ранние памятники русского летописания, представлять цепочку разобщенных событий, встроженных в общую, довольно монотонную, схему религиозных причинно-следственных связей: когда Бог поддерживает русских, они побеждают татар, когда желает наказать русских за грехи, победа оказывается на стороне татар. Никоновская летопись не пытается привлечь внимание к «освобождению» Руси от «татарского ига» в 1380 или 1480 гг. История взаимоотношений Руси с Ордой, так, как она изложена в предшествующих летописях, не потребовала значительной переработки как раз потому, что уже изначально писалась в условиях серьезной самоцензуры, – своеобразного русского варианта «идеологии умолчания», к которой прибегали многие, подвергшиеся завоеванию общества Средневековья и Нового Времени, дабы избежать того вреда, который могли нанести их ценностям, статусу и самоописанию неудобные факты прошлого.

Ключевые слова: летопись, Никоновская летопись, татары.

Как известно, Никоновская летопись была составлена в 20 – 30-е годы XVI в. под руководством и при непосредственном участии московского митрополита Даниила¹. Время это было временем значительных изменений во взаимоотношениях Руси с татарами. С одной стороны, позади уже были и события 1480 г. (названные впоследствии «освобождением») от «татаро-

¹ *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980. С. 7-189.

монгольского ига»), и разгром крымцами в 1502 г. Большой Орды (одного из осколков улуса Джучи, известного в позднейшей русской традиции под именем Золотой Орды). С другой стороны, еще не началась массивированная русская экспансия в Нижнее Поволжье, которая в итоге привела к завоеванию двух других наследников улуса Джучи, Казанского и Астраханского ханств (в 1552, 1556 гг.). Следовательно, то, каким образом Никоновская летопись переписывает историю взаимоотношений Руси с Ордой может, во-первых, предоставить нам важные свидетельства относительно той концепции истории, которую в первой трети XVI в. развивала русская церковная элита, а во-вторых, помочь определить, до какой степени вольно могла она обращаться с событиями прошлого, творя новые «исторические воспоминания» в угоду конкретной идеологии.

Авторы Никоновской летописи, даже если у них и возникло бы такое желание, в любом случае не могли ограничиться простой компиляцией сведений предшествующих летописей. Доступные в Москве источники по истории русско-татарских отношений пестрели несостыковками и противоречиями. Следовательно, нашим авторам неизбежно пришлось проводить определенную редакторскую работу: что-то сохранять, о чем-то умалчивать, в одном случае давать ретроспективную оценку событий, в другом обходиться без нее. Учитывая масштабы работы, а так же число участников, понятно, что даже при тщательном надзоре Даниила, избежать некоторой непоследовательности было почти невозможно.

Сразу оговоримся, что мы не будем рассматривать стилистические различия летописных текстов. К 20-м годам XVI в. литературный стиль Московской Руси изменился в сторону усиления риторики и большей витиеватости изложения. Иногда он может показаться многословным и тяжеловесным. Литературные украшения ранних текстов, т.о., остаются вне зоны нашего интереса. Также не будем мы принимать во внимание разницу в написании ордынских имен и ошибки хронологии, – неизбежное зло любых летописных компиляций. Только серьезные изменения текстов предшествующих памятников могут помочь нам проникнуть в особенности концепции русско-

татарских отношений 1223 – 1480 гг., развиваемой Никоновской летописью².

Можно отметить основные черты той общей схемы, в рамках которой русские средневековые летописи и другие нарративные источники описывают взаимоотношения Руси с Ордой³. Ни один из источников XIII – XV вв. не упоминает ни о «Золотой Орде», ни о «татарском иге»⁴. Упоминание первой относится не ранее чем к 1560-м гг. и содержится в ранней редакции «Казанской истории». Второе впервые в собственно славянских источниках встречается лишь в третьем издании «Синописа» (1678 г.). Русские источники, даже касаясь реалий татарского владычества, избегают изображения монгольского завоевания как принципиального изменения верховной власти на восточнославянских землях. Вместо глаголов «покорити» или «владети» чаще они используют более нейтральные «плениити» и «взяти». Однако подобная амбивалентность не могла сохраняться бесконечно долго. Ретроспективные оценки наводят на мысль, что некоторые изменения происходят уже при Батые. Источники описывают Русь как улус Орды, а русских князей как улусников, признающих ордынскую власть⁵. Даже осуждая действия ордынских ханов, источники все равно сохраняют уважительное наименование их царями (последовательно применяемое ко всем представителям рода Чингизидов: цари, царевичи, и тд.). Отношения Руси с Ордой составляют серию изолированных эпизодов, чаще военного, но иногда и фискального характера, и намеренно изымаются из общего контекста. Такова, в общих чертах, совокупность концептов, с

² Также вне зоны наших интересов останутся и многочисленные свидетельства летописи о взаимоотношениях Руси во второй половине XV в. с такими наследникам улуса Джучи, как Казань, Крым и Ногаи.

³ Подробнее см.: *Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History.* Bloomington, In., 1985. Особенно: P. 61-74; *Idem. The Tatar Yoke.* Columbus, Oh., 1986; *Ibid. The East Slavic Response to the Mongol Conquest // Archivum Eurasiae Medii Aevi.* 1998-1999. Vol. 10. P. 98-117.

⁴ *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke and Tatar Oppression // Russia Mediaevalis.* 1984. Vol. 5. № 1. P. 20-39.

⁵ *Halperin Ch. J. Tsarev ulus: Russia in the Golden Horde // Cahiers du monde russe et sovietique.* 1982. Vol XXIII. 2. P. 257-263.

которыми предстояло работать составителям Никоновской летописи.

С одной стороны Никоновская летопись поднимает на совершенно новый эмоционально-идеологический уровень религиозные и патриотические антитатарские сентенции ранних летописей. С другой стороны, фундаментально она не меняет двойственного отношения к татарам, характерного для ее источников, продолжая уравнивать антитатарские предубеждения уважительным отношением к ханам из династии Чингизидов. Связи с Ордой русских князей не замалчиваются и, в целом ряде случаев, не осуждаются. Можно отметить, что Никоновская летопись сохраняет редкую сдержанность в деле ретроспективных оценок и почти не предлагает дополнительных концептов верховной власти.

Лучше всего рассмотреть взгляды Никоновской летописи на взаимоотношения Руси с татарами в хронологической последовательности⁶.

С «Повестью о битве на реке Калке» Никоновская летопись обходится в высшей степени вольно, хотя вольность эта и ограничивается малозначимыми деталями: увеличивается численность войск, по соображениям деликатности из списка даров, преподнесенных половецким ханом Котяном великому князю Мстиславу, исчезают наложницы. Дополнительный антитатарский лексикон общей картины не меняет; татары, по мнению летописи, «злодейственны» словно демоны. В рассказе содержится подробный анализ татарской военной тактики. Если в 1237 г. русские едва ли могли еще успеть проанализировать военную доктрину татар, то в ретроспективных оценках

⁶ Нет ни необходимости, ни возможности отмечать здесь все редакторские изменения, так или иначе касающиеся взаимоотношений Руси с Ордой; вместе с тем, надеюсь, что и приведенного материала окажется достаточно для определенных выводов. Д. Островски проанализировал некоторые отдельные случаи изменения Никоновской летописью монгольских сюжетов ранних летописцев, как пример изменения отношения к татарам, имевшего место после 1448 г. Мне, однако, эта концепция не кажется убедительной. Подробнее см.: Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier 1304-1547*. Cambridge, England, 1998. P. 148-155; *Ibid.* *The Mongols and Rus': Eight Paradigms // A Companion to Russian History / Ed. by A. Gleason*. Oxford (в печати). Приношу искреннюю благодарность д-ру Островски за возможность ознакомиться с рукописью его статьи.

Никоновской летописи содержится уже и информация о том, что татары стремительны в битве, и о том, что они не используют тяжелого снаряжения, и о том, что они могут вернуться после ложного отступления (явная аллюзия на излюбленный прием монгольского войска). Никоновская летопись содержит первое упоминание о трех, неизвестных по другим источникам племенах, баутах, гаигалах и выгалцах, примкнувших к отрядам Галицкой Руси. Самое серьезное исправление, однако, касается ретроспективной оценки произошедшего, как первого татарского «прихождения», – причем определение для характеристики событий 1223 г., избирается такое, которое бы не предусматривало изменений в состоянии верховной власти. Для 1223 г. это еще верно. Однако отметим, что летописями неоднократно и в дальнейшем для характеристики событий 1237 – 1238 гг., а так же последующих лет, будет использоваться схожий, столь же нейтральный «по последствиям» термин «нахождение», хотя нет никаких сомнений, что события этих лет уже определенно привели к переходу верховной власти над русскими землями в руки татар. Ясно, что практически любая летопись, составленная после 1240 г., могла оценить события на р. Калке, как первый татарский набег, но, тем не менее, именно Никоновская летопись была первой, где эта возможность оказалась реализованной⁷.

Ошибкой переписчика можно считать появившееся в одном из списков летописи известие о том, что во время завоевания Северо-Восточной Руси Батый послал в Рязань «свою жену чародеицу»⁸. Содержатся в тексте летописи и два противоположных рассказа о обретении тела принявшего мученическую смерть князя Василька Константиновича. Согласно первому, тело было обнаружено епископом Кириллом на пути из Белозера в Ростов. По версии же второго, тело нашли некая Мария и ее муж Адриан Попович, к которым за ним и прислали Кирилл и вдова князя. Попыток как-то примирить свидетельства двух рассказов летопись не предпринимает⁹.

⁷ Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. X. С. 89-92 (Далее – ПСРЛ); *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke*. P. 34.

⁸ ПСРЛ. Т. X. С. 105. (Вся история – на с. 105-113).

⁹ Там же. С. 111.

Под 1239 г. летопись после характеристики года как тихого и мирного, помещает краткое объяснение: «от Татар»¹⁰ (вероятно, имеется в виду обстановка в Северо-Восточной Руси или же в Поднепровье, но до начала татарского движения туда).

Содержащийся в Никоновской летописи рассказ о событиях татарского нашествия на Киев и Поднепровье (1239 – 1240 гг.) демонстрирует столь редкое для русских памятников признание особых политических последствий этой кампании. В интерполяции, содержащей речь Менгу хана к своему войску, а так же его обращение к великому князю Михаилу Всеволодовичу, сформулирован тот выбор, который есть у Киев: или покориться Батыю, или быть разоренным. Хотя сама эта лексика и является заимствованной – уже в Житие Александра Невского сказано о том, что многие земли были «в покорении» у Батыя, а «Повесть о разорении Рязани Батыем» предлагает и термин «разорение», – важно отметить новые коннотации понятия верховной власти, присутствующие в летописи. Список татарских военачальников содержит некоторые варианты по сравнению с источником: пропущен Субутай, но добавлены Кайлуг, Бутар, Айдар, Килемет и Батыр. Есть в рассказе и хронологические противоречия: по логике текста получается, что тысяцкий Дмитрий был назначен в Киев уже после начала татаро-монголами осады. Но самое серьезное изменение содержится в изложении генеалогии монгольских правителей. В оригинале этой истории указано, что силы, брошенные Батыем на осаду Киева, включали Гуйука (который успешно вернулся из Западного похода и после смерти неназванного по имени хана¹¹ стал новым ханом), а также – происходивших «от другого рода» военачальников Субутая и Бурундай. Традиционно (и ошибочно!) указание на принадлежность к другому роду относят к Гуйуку. На самом деле он был сыном Угедея. В источнике, как не принадлежащие к «Золотому роду», упоминаются именно Субутай и Бурундай¹². Отметим также, что тюрко-монгольский термин «хан» нередко встречается в летописях

¹⁰ Там же. С. 113.

¹¹ Угедея, сына Чингизхана.

¹² Подробнее об этом см.: *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke*. P. 44-45.

ХIII в. Никоновская же летопись допускает здесь явную непоследовательность, именуя Батю и царем и ханом. Согласно ее версии, узнав о смерти хана (неназванного по имени) Батый заплакал, хотя тот и не принадлежал к его роду. Батый был любимцем хана, его верным военачальником, но не родственником¹³. А постольку, поскольку Угедей был Чингизидом, следовательно, летопись исключает Батю из числа представителей «золотого рода», и, тем самым, делегитимизирует всю последующую династию Джучидов! Только в Никоновской летописи содержится свидетельство о том, что великий князь Михаил Черниговский приказал казнить прибывших в Киев татарских послов. Это явный вымысел: во-первых, сам князь отсутствовал в это время в городе; во-вторых, никаких послов попросту не существовало¹⁴. Следующая интерполяция сообщает о том, что, отправившись дальше на запад, Батый оставил в Киеве некоего воеводу (имя его не названо), а так же назначил воевод и в другие занятые им русские города. Свидетельство это кажется крайне сомнительным, не в последнюю очередь из-за использования типично русской терминологии («воеводы»). Вполне возможно, пассажи эти испытали некоторое влияние Жития Михаила Черниговского. В целом же редакция событий 1239 – 1240 гг. характеризуется в Никоновской летописи скорее слабым знанием исторических реалий начала татарского нашествия, чем концептуальными ретроспективными оценками¹⁵.

Версия Жития великого князя Михаила Черниговского, содержащаяся в Никоновской летописи, равно как и варианты читаемые в Хронографе 1512 г. и в Степенной книге, содержит некоторые новации. Как уже отмечалось, князь, перед своим бегством в Венгрию, приказывает казнить прибывших в Киев монгольских послов. Татары не только «пленили», но и «работали» Киевщину; уподобление татарского владычества «работе» (рабству) становится особенно важным в свете дальнейших оценок знаменитого Стояния на реке Угре, однако использует-

¹³ На самом деле Угедей был дядей Батю.

¹⁴ *Halperin Ch. J. Russo-Tatar Relations in Mongol Context: Two Notes // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1998. Т. 51. 3. Р. 323, н. 9.*

¹⁵ ПСРЛ. Т. X. С. 115-117; *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke. P. 46-47.*

ся здесь скорее в метафорическом (как аналог египетского пленения израильтян), чем в политическом смысле. Согласно новому прологу Батый установил во всех русских городах «наместников и властелей»; здесь, как видим, вновь используется русский, а не татарский административный термин. Добавляет к рассказу Никоновская летопись и яркую речь князей и бояр, уговаривающих Михаила пройти языческий татарский обряд прохождения между двумя кострами. Князья говорят, что они не хотят его погибели, и сами не хотят погибнуть из-за него. Бог все равно узнает, что совершенное Михаилом совершено по принуждению. Они готовы взять его грех на себя и самолично понести духовное наказание ради блага всей Русской земли. На первый взгляд может показаться, что их политическое здравомыслие и готовность к принятию на себя чужого греха в выгодном свете представляют сторонников сотрудничества с татарами, но стоит лишь вспомнить, что Михаил был канонизирован именно за то, что отказался следовать их советам, посчитав подобное поведение близким к вероотступничеству, как все станет на свои места. Вообще весь этот эпизод делает политические и религиозные обстоятельства произошедшего крайне двусмысленными, если не безнадежно запутанными. В довершении всего, описывается новое чудо князя-мученика: после казни, его отрубленная голова продолжает проповедовать православную веру. Противоречия, возникающие между крайней степенью религиозности, проявленной князем в Орде, и отсутствием каких бы то ни было упоминаний о его набожности в предшествующее время, летопись даже не пытается разрешить¹⁶.

Под 1247 г. впервые упоминается знатный ордынец по имени Бердебек¹⁷.

Хотя Никоновская летопись не вносит никаких кардинальных изменений в текст Сказания о смерти Батыя (под 1248 г.), важен уже сам тот факт, что эта крайне негативная по от-

¹⁶ ПСРЛ. Т. X. С. 130-133, 237-244; *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke*. P. 51-52.

¹⁷ ПСРЛ. Т. X. С. 134-135; *Halperin Ch. J. Know Thy Enemy: Medieval Russian Familiarity with the Mongols of the Golden Horde // Jarbucher fur Geschichte Osteuropas*. 1982. Bd. 30. S. 173-175.

ношению к хану (фактически, олицетворению татарского правления на Руси) история, оказывается включенной в летопись¹⁸.

Составители Никоновской летописи, вероятно, не использовали в своей работе Ипатьевскую летопись, поэтому в ней и нет рассказа последней о подчинении Батыю великого князя Даниила Романовича.

Содержащаяся в летописи версия Жития Александра Невского, включает неоригинальную по происхождению речь князя Андрея Ярославича, объясняющую его бегство от Неврюя, в которой он призывает не допускать разделения Русской земли татарами и утверждает, что лучше бежать от них, чем пойти на сотрудничество. Оба тезиса, однозначно, бросают некоторую тень на последующее поведение князя Александра Ярославича¹⁹.

Под 1262 г. в летописи содержится оригинальный пассаж, сообщающий о том, что Батый, завоевав русские города, назначил в них своих «властелей» (информация взята из предшествующих записей, а так же из Жития Михаила Черниговского), и что после его смерти его сын, Сартак, а после смерти Сартака и все последующие ханы поступали точно так же. Обобщение это, явно предназначено служить объяснением тому, почему вскоре русские князья объединились и выступили против татар: из-за этих «властелей» многие русские люди совершенно обнищали (вероятно, здесь присутствует связь с необходимостью выплачивать дань в Орду) и вынуждены были принять «работу» (рабство). В Никоновской летописи именно этот эпизод замещает историю восстания, вспыхнувшего под руководством веча, против татарских сборщиков налогов в 1262 г.²⁰

¹⁸ ПСРЛ. Т. X. С. 135-136; *Halperin Ch. J. The Defeat and Death of Batu // Russian History / Histoire russe. 1983. Vol. 10. Pt. 1. P. 60.* Полагаю, что это Сказание как-то связано с двумя другими венгерскими сюжетами, содержащимися в Никоновской летописи: под 1241 г. там говорится о том, что Батый захватил в плен и увез на Волгу Минуша, сына венгерского короля, а под 1248 г. сообщается о гибели в Венгрии Берду Бека, сподвижника Батыя. См.: ПСРЛ. Т. X. С. 123, 135.

¹⁹ ПСРЛ. Т. X. С. 134-135; 138-139; *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke. P. 60-61.*

²⁰ ПСРЛ. Т. X. С. 143. Ср.: *Ostrowski D. Muscovy and the Mongols. P. 150.*

Под 1269 г. Никоновская летопись упоминает зятя владимирского баскака Аргамана Айдара²¹.

В статье за 1270 г. летопись заимствует некоторые подробности из Жития Михаила Черниговского, для описания мученической кончины великого князя Романа Ольговича Рязанского, по общепринятой версии оклеветанного перед ханом в том, что оскорбительно отзывался о нем и его вере (в 1270 г. еще не исламе). Никоновская летопись добавляет к этому рассказу указание на то, что князь отказался отречься от православия, за что подвергся жестоким пыткам и был казнен²².

Новгородская первая летопись говорит об участии в походе на Новгород великого князя Ярослава великого владимирского баскака Аргамана; Никоновская летопись сообщает о его возвращении в Новгород под 1273 г.²³

В той же статье вместе с Аргаманом вновь упомянут и Айдар²⁴.

Рассказывая историю соперничества князей Андрея и Дмитрия Ярославичей за великое княжество Владимирское, под 1277 г. Никоновская летопись замечает, что оба князя отправились в Орду к царю за ярлыками на княжество их отца «обычай же ради бывшего тогда». Такая нейтральная сугубо описательная формулировка позволяет избежать комментариев о том, в чем заключался этот «обычай» и каково было его политическое значение²⁵.

Значительно переработанная история о курском баскаке Ахмате, записанная под 1284 – 1285 гг., содержит оригинальную вступительную часть, в которой рассказывается об обычае ордынских царей и князей взимать дань с «русской земли» (фраза, отсутствующая в оригинале истории), или же поручать ее сбор либо русским князьям, либо гостям из Орды. Никаких исторических объяснений происхождению такого «обычая» не приводится. Более того, и здесь авторов Никоновской летописи подводит незнание исторических реалий. Ордынские сборщики налогов не назывались гостями, а русские князья не принимали

²¹ ПСРЛ. Т. X. С. 147.

²² Там же. С. 149-150.

²³ Там же. С. 147; *Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde*. P. 34.

²⁴ ПСРЛ. Т. X. С. 151.

²⁵ ПСРЛ. Т. X. С. 154; *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke*. P. 174.

участия в сборе дани вплоть до упразднения системы баскачества. Согласно летописи, баскак Ахмат был одним из тех, кого прислали из Орды за данью. Пытаясь как-то прояснить не вполне понятный по смыслу источник, составители Никоновской летописи заменили «гостей-паломников» на немецких и цареградских гостей, хотя факт присутствия в Курске в этот период купцов из Константинополя кажется чрезвычайно сомнительным. Вновь упоминая «обычай», летопись критикует татарскую практику, как разбойную и несправедливую²⁶.

Еще один знатный представитель Орды появляется в летописи под 1288 г., – это князь ордынский Елортай²⁷.

В 1311 г., если верить летописи, великий князь Михаил Ярославич Тверской и митрополит Петр, узнав о смерти хана Тохты и восшествии на престол нового хана Узбека, отправились в Орду за новыми ярлыками, как делали все русские князья и епископы²⁸. Уникальное сообщение о том, что епископам нужны были такие индивидуальные ярлыки, привлекло внимание уже Е. Е. Голубинского, который отметил, что единственным доказательством этого являются факты, связанные исключительно с ростовскими владыками²⁹. В «Повести о Петре, царевице ордынском» сказано, что ростовский епископ Кирилл дважды ездил в Орду: сперва «за дом святяга Богородицы», а затем, чтобы вылечить сына хана Берке (правил в 1258 – 1266 гг.)³⁰. Тверская летопись под 1280 г. сообщает о повторном визите в Орду епископа Игнатия «за причет церковный»³¹. Наконец, в 1292 г. великого князя Андрея Александровича в Орду сопровождает епископ Тарасий³². Е. Голубинский, судя по всему, склонялся к тому, чтобы поверить в то, что ханы желали лично убедиться в лояльности каждого епископа и поэтому вызывали их к себе. Идея о том, что ростовский случай

²⁶ ПСРЛ. Т. X. С. 163-165; *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke*. P. 78, n. 46.

²⁷ ПСРЛ. Т. X. С. 167; *Halperin Ch. J. Know Thy Enemy*. P. 173-175.

²⁸ ПСРЛ. Т. X. С. 178.

²⁹ *Голубинский Е. Е. История русской церкви*. М., 1900. Т. II. Ч. 1. С. 37-39.

³⁰ Русские повести XV-XVI вв. М.; Л., 1958. С. 98; *Halperin Ch. J. A Chingissid Saint of the Russian Orthodox Church: The Life of Peter, tsarevich of the Horde // Canadian-American Slavic Studies*. 1975. Vol. 9. 3. С. 323-335.

³¹ *Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде*. М., 1978. С. 33.

³² Там же. С. 33.

является исключительным, не казалась ему убедительной. Не заметил он и того, что все поездки ростовских епископов в Орду относятся только к концу XIII в. При этом, поездки митрополитов продолжаются на протяжении всего XIV в. Вероятно, здесь мы имеем дело с каким-то уникальным феноменом церковно-ордынских отношений, вызванным к жизни конкретными обстоятельствами. Нельзя не отметить и того, что ни в одной из приведенных цитат собственно слово «ярлык» не упоминается, – это также может иметь некоторое значение. К тому же сведений о получении ярлыка тем из епископов, путь которого в Орду был самым коротким, епископом Сарая, кочевавшим вместе с Ордой, попросту нет. Нет их и применительно к архиепископу новгородскому, чьи передвижения фиксировались лучше всего, хотя он также был подчинен Орде³³. Тема эта, безусловно, требует дальнейшего изучения³⁴.

В сводке событий за 1317 – 1319 гг. содержится Житие Михаила Ярославича Тверского. Житие имеет здесь некоторые любопытные детали. Кавгадый, пытаясь оправдать поражение своей дружины от князя Михаила, заявляет, что поддерживал московского князя Юрия Даниловича без позволения хана, что явно не в лучшем свете выставляло его действия. Советники предупреждают Узбека, что если он уморит голодом Константина, сына Михаила Ярославича, князь ни за что не приедет в Орду: хан освобождает Константина, и это срывает: Михаил выезжает в Орду. На суде татары обвиняют князя в том, что он «в Немцы с казною бежати хотел еси, и казну в Рим к папе отпустил еси». Если учесть, что резиденцией папы римского в этот период был Авиньон, и едва ли кому-то из русских князей

³³ Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde. P. 50-51.

³⁴ Даже сам факт существования Петра, царевича ордынского, не может считаться окончательно доказанным. Никоновская летопись не содержит вышеупомянутых сведений о ростовских епископах за 1280 и 1292 гг. Но отмечает, что Игнатий был втянут в 1280-1281 гг. в большой политический скандал, см.: ПСРЛ. Т. X. С. 157-158. Епископ Тарасий побывал в Орде вместе с князьями Андреем Александровичем Городецким, Дмитрием Ростовским, Константином Углицким и Федором Ростиславичем Ярославским. Они ехали жаловаться хану на брата и соперника князя Андрея, князя Дмитрия Александровича Переяславского. Кажется весьма сомнительным, чтобы в этой поездке Тарасий был еще озабочен и получением ярлыка. См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Т. 3. С. 196.

пришло бы в голову бежать от татар дальше, чем в Литву, напрашивается вывод как о том, что сама речь является вымыслом, так и о том, что здесь снова составителей подвели знания исторических реалий. В Орде Михаил пытается избежать гибели, прибегая к обычаю распределения даров среди представителей знати и семейства хана. Любопытно, что Никоновская летопись вкладывает в уста Узбеку и Кавгыдаю слова о милости и справедливости ханов (по крайней мере, в теории): Узбек настаивает, чтобы Михаил предстал перед справедливым судом, а Кавгыдай замечает, что хану следует проявлять милость даже к заведомым преступникам, но, в случае с Михаилом, лучше будет сделать исключение. В результате как минимум часть вины за гибель князя снимается с хана Узбека, и главным злодеем становится Кавгыдай; в этом никоновская редакция следует скорее более ранним нелетописным редакциям Жития, нежели чем равно доступной составителям Пространной редакции, в которой вся вина возлагается именно на Узбека. Определенно составители Никоновской летописи сделали здесь выбор в пользу одной из возможных моделей³⁵.

В истории тверского восстания 1327 г. летопись придает Щелкану отчество Дюденевич, и называет его «царевичем», «братаничем Узбека». Из аристократического высокомерия или из соображений политических составители летописи опускают историю вечевого восстания и ответственность за вооружение тверичей возлагают на князя Александра Михайловича, тем самым, предпочитая тверской версии развития событий московскую. Александр бежит из Твери, т.к. не может противиться «лукавые бесовские крамолы и Татарскаго насилие», – изощренный вариант чрезвычайно широко распространенного выражения. Действия Ивана Калиты рассматриваются, как способ спасения Москвы от татарского возмездия за тверской инцидент³⁶.

Под 1330 г. в летописи сказано о том, что великий князь ордынский Асан (Хасан) был убит собственной женой³⁷.

³⁵ ПСРЛ. Т. X. С. 182-186; *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke*. P. 83-84.

³⁶ ПСРЛ. Т. X. С. 194-195; *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke*. P. 87, 91-92; *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke and Tatar Oppression*. P. 36-37. Ср.: *Ostrowski D. Muscovy and the Mongols*. P. 152-153.

³⁷ ПСРЛ. Т. X. С. 203.

В статье 1339 г. упоминаются неизвестные из других источников Беркан и Черкасс, прибывшие из Орды, чтобы обезглавить тверского князя Александра и его сына Федора³⁸.

Там же говорится и об участии баскаков в объединенном русско-татарском походе на занятый литовцами Смоленск³⁹.

В 1360 г. сообщается, что ордынский князь Булат Темир «все грады по Волзе и улусы поимал»⁴⁰.

Еще одно уникальное известие летописи о представителях татарской элиты содержится под 1361 г., в нем упомянут посол Илияка⁴¹.

Киприановская редакция «Сказания о Мамаевом побоище», содержащаяся в тексте Никоновской летописи, комбинирует «Сказание» с пространной редакцией, так называемой, Летописной повести о Куликовской битве⁴², что приводит к известным противоречиям, которые Никоновская летопись даже не пытается разрешить. Так, например, согласно летописи Мамай убивает ордынского хана, но это не мешает Дмитрию Донскому вступить с ханом Теляком в рукопашную схватку. В результате целого ряда таких смелых решений по соединению сведений из нескольких источников, мы получаем результат, который, в лучшем случае, можно назвать довольно эклектичным. Великий князь литовский назван не Ольгердом, а Ягайло; летопись следует за «Сказанием», изображая тяжело раненого Донского лежащим под деревом после битвы, в то время как в Летописной повести он описан сражающимся в гуще битвы, отважный и невредимый. Мамай высказывает крайне оригинальное желание стать вторым Батыем (вариация на тему реальной фразы о «втором Юлиане Отступнике и новом Батые»), который не только «пленил» «русскую землю», но и «владел» ею. Мамай пытается подражать ему, но терпит крах. Имплицитно здесь присутствует признание верховной власти Батыя

³⁸ Там же. С. 210.

³⁹ Там же. С. 211; *Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde*. P. 37.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. X. С. 233; *Halperin Ch. J. Tsarev ulus*. P. 258.

⁴¹ ПСРЛ. Т. XI. М., 1965. С. 2; *Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde*. P. 42. N. 37.

⁴² О текстологической истории Летописной повести см.: *Halperin Ch. J. Text and Textology: Salmina's Dating of the Chronicle Tales about Dmitry Donskoy // Slavonic and East European Review*. 2001. Vol. 79. Pt. 2. P. 248-263.

над Русью, однако сделано оно уже спустя многие десятилетия после его смерти. О власти других ханов ничего не говорится, но даже при этом, язык изложения поразительно «уступчив», по отношению к событиям 1237 – 1240 гг., т.е. в признании того, что Русь действительно была завоевана⁴³. О дани говорится с упоминанием хана Узбека, возможно, это казалось более «престижным», чем ссылка на Джанибека. После описания предбатарального видения Фомы Кацыбея, летопись упоминает еще одно видение, явленное посланным на разведку в степь гостям Василию Капице и Семену Антонову: они увидели митрополита Петра покоряющего воинство эфиопское (термин, крайне редко применяемый к монголам). По имени называется соперник Пересвета – Темир-мурза. Переводчики Захара Тутчева говорят по-татарски, а не по-половецки. Наконец, Киприановская редакция значительно чаще первоисточников использует термины «улус» и «улусник»⁴⁴.

Приступая к изложению событий осады Москвы Тохтамышем в 1382 г., Никоновская летопись вновь оказывается перед выбором из нескольких противоречащих друг другу источников. Неудивительно, что она избегает упоминаний о московском вече. Единственная любопытная черта этой статьи, это краткая глосса (повторяющая помету под 1236 г.)⁴⁵ о том, что город Болгар на Волге ныне называется Казанью⁴⁶; тем самым подготавливается почва для оправдания московского завоевания Казани (раз болгары покорены были еще во времена Владимиро-Суздальской земли, следовательно, Казань уже находилась под русской властью).

Самая значительная интерполяция летописи, касающаяся развития концепта улуса, записана под 1384 г. После взятия Москвы Тохтамышем великий князь Михаил Александрович Тверской попытался получить у хана ярлык на великое княжение Владимирское, но встретил отказ, аргументированный следующим образом: «аз улусы своя сам знаю, и кийждо князь

⁴³ Halperin Ch. J. The East Slavic Response to the Mongol Conquest // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1998-1999. Vol. 10. P. 115.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XI. С. 46-69; Halperin Ch. J. The Tatar Yoke. P. 102, 112; Halperin Ch. J. *Tsarev ulus*. P. 259.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. X. С. 104.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XI. С. 71. (Вся история – С. 71-81).

Русский на моем улусе ... а что неправды предо мною улусника моего князя Дмитрея Московскаго, и аз его поустрашил», но затем простил и вернул ярлык⁴⁷.

Под 1386 г. содержится запись о том, что хан Тохтамыш убил свою супругу, Товлунбеку⁴⁸.

Ряд исправление содержит, занесенная в летопись под 1395 г., «История о Темир-Аксаке». По не вполне понятным причинам в ней опущено упоминание о «кочевии» Тохтамыша. О самом Тамерлане говорится, что он «покорил», а не «пленил» многие земли, – т. е. используется глагол, подразумевающий верховное господство, не применяемый в сходном контексте по отношению к Руси. Включение летописью в состав завоеванных Тамерланом земель Большой Орды – явный анахронизм, т.к. это государственное образование появляется на карте не раньше второй половины XV в⁴⁹.

В статье за 1389 г. сообщается о путешествии смоленского епископа Игнатия вместе с претендентом на митрополичий престол Пименом вниз по Волге. Игнатий отмечает, что путешественники пересекли улусы Сары Хоза, Бек Булата и Ак Буга⁵⁰.

В рассказ о битве на реке Ворскле (1399 г.) Никоновская летопись воспроизводит чрезвычайно яркий диалог великого князя литовского Витовта и эмира Едигея, посвященный политическому старшинству: среди прочего, он доказывает знакомство русских с принципами нумизматической иконографии. Как говорит Едигей: «на твоих деньгах Литовских моему Ординьскому знамени быть», т.е., тот, кто старше, тот и помещает свой знак на деньги другого. Политические цели Витовта, однако, в варианте Никоновской летописи переиначены. В предшествующих вариантах Витовт заявлял, что «посадит» Тохтамыша в Орде, а тот, в свою очередь, «посадит» в Москве Витовта, что могло бы рассматриваться как двойная инвестиция, при которой новый ордынских хан жаловал Витовту власть над

⁴⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 84; *Halperin Ch. J. Tsarev ulus*. P. 260.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XI. С. 87.

⁴⁹ Там же. С. 158-161, 243-254; *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke*. P. 128, N. 122.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. XI. С. 96; *Halperin Ch. J. Know Thy Enemy*. P. 166; *Halperin Ch. J. Tsarev ulus*. P. 258.

русскими землями. Теперь же Витовт объявляет о своем желании «пленити» татарскую землю (Волжскую Орду), разбить силы Темир-Култуя, захватить его царство, разделить его казну и поставить Тохтамыша на царство в Орде «и на Кафе, и на Озове, и на Крыму, и на Азтаракани, и на Заяицкой Орде, и на всем примории». «Так», продолжает Витовт, все будет нашим, и царь будет нашим, и мы станем «владети» не только в Литве и Польше, но и на Севере, в Новгороде, Пскове, в Немцах и во всех русских землях. Я, говорит Витовт, буду командовать им (Тохтамышем), собирать дани и оброки, и все покорятся мне и будут служить моей воле⁵¹. Вообще в этой истории оригинальное содержание едва ли сохраняется под бременем пышной риторики и стилистических украшений, что, в целом, нехарактерно для Никоновской летописи⁵².

Под тем же годом в летопись включено и Житие князя Михаила Александровича Тверского, в котором говорится, что отец Михаила, князь Александр Михайлович, бежал из Твери после убийства Щелкана Дюденевича, не в силах «татарского насилия и гонения терпети», – изощренная, но в концептуальном отношении не новая аллюзия на «татарское насилие»⁵³.

Запись за 1400 г. сообщает, что после смерти отца князь Иван Михайлович Тверской отправил к хану Темир-Кутлюю киличеев (послов) за ярлыком как пожалованием на свою отчину и дедину, улус, Великое Княжество Тверское; Темир-Кутлуй в это время умер, и ярлык прислал его преемник, хан «Большой Орды Волжской» Шадибек. Упоминание Большой Волжской Орды, вероятно, является искаженным анахронизмом Большой Орды⁵⁴.

Точно так же в 1402 г. после смерти отца из Орды получал ярлык на «отчину и дедину и улус» князь Федор Ольгович⁵⁵.

Оригинальная запись за 1405 г. сообщает о том, что туровский епископ советовал хану Шадибеку «пленити» Киев и всю Вольнь⁵⁶.

⁵¹ Halperin Ch. J. The East Slavic Response. P. 104.

⁵² ПСРЛ. Т. XI. С. 172-174; Halperin Ch. J. The Tatar Yoke. P. 129-130.

⁵³ ПСРЛ. Т. XI. С. 175; Halperin Ch. J. The Tatar Yoke and Tatar Oppression. P. 36-37.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. XI. С. 183.

⁵⁵ Там же. С. 188; Halperin Ch. J. Tsarev ulus. P. 260.

Столкнувшись с тремя совершенно разными рассказами о осаде Москвы Едигеем, составители Никоновской летописи просто повторили их, проигнорировав все противоречия⁵⁷.

В 1411 г., по сведениям летописи, царь Темир изгнал сына Тохтамыша Зелени-Салтана и разграбил его улусы на Волге⁵⁸.

В 1431 г. ордынский князь Айдар безуспешно осаждал Мценск и, в конце концов, чтобы город сдался, был вынужден дать «роту по своей вере» (вероятно, имеется в виду уже ислам), что глава защитников Григорий Протасьев сможет покинуть Мценск в полной безопасности. Протасьева, однако, схватили и доставили в Орду, где хан Улуг-Мухаммед резко осудил Айдара за нарушение слова, – крайне виртуозный оммаж в сторону хана, равно как и любого другого правителя⁵⁹.

Излагая события московской гражданской войны, под 1446 г. Никоновская летопись повторяет лишь часть обвинений, высказанных князем Иваном Можайским в адрес великого князя Василия II: последний обвиняется в том, что согласился уступить Улуг-Мухаммеду Москву, а сам собирался съехать в Тверь. Выпущенными оказываются обвинения в том, что великий князь раздавал татарам города и волости в кормления, без меры любил татар и татарский язык, тиранил христиан и обещал выплатить в Орду огромный выкуп (последнее, определенно соответствовало действительности). Вполне возможно, что составители летописи просто хотели смягчить критику Василия II, однако, не следует так же сбрасывать со счетов и возможность дискредитации союзника Дмитрия Шемяки, князя Ивана Можайского⁶⁰. Ниже в Никоновскую летопись включена речь, произнесенная Иваном, после того, как с его помощью в Троице-Сергиевом монастыре был схвачен Василий II; в ней он высказывает надежду, что, увидев великого князя плененным, татары «облещат окуп», который тот обязался им выплатить⁶¹. В принципе, этот эпизод может послужить хорошим поводом

⁵⁶ ПСРЛ. Т. XI. С. 192; *Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde*. P. 65, N. 7.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 205-211; *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke*. P. 132, N. 133.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. XI. С. 215; *Halperin Ch. J. Tsarev ulus*. P. 258.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. XII. М., 1965. С. 9.

⁶⁰ Там же. С. 67.

⁶¹ ПСРЛ. Т. XII. С. 68.

для того, чтобы отметить находчивость авторов летописи в обличении алчности князя Ивана Можайского (хотя, быть может, то была просто вполне понятная озабоченность наиболее состоятельной части верхушки московского податного населения?), вместе с тем, трудно поверить, что татары отказались бы от своих доходов из-за пленения Василия II.

Ни история Стояния на реке Угре, ни текст Послания Василия Рыло в Никоновской летописи не подверглись переработке. По не вполне понятным причинам, правда, выпущенными оказались имена «злых советников», побуждавших Ивана III отступить перед Ахматом, Григория Андреевича Мамона и Ивана Васильевича Ошеры⁶².

То, каким образом, Никоновская летопись излагает историю взаимоотношений Руси с Ордой, позволяет нам сделать некоторые выводы. Ревизии подверглись события всего периода русско-ордынских контактов. По сути своей летопись сохраняет концепцию взаимоотношений Руси с Ордой 1223 – 1480 гг., характерную для всех русских средневековых летописей. Усиливая антитатарскую риторику, летопись, в то же самое время, демонстрирует владение татарской терминологией (баскаки в статьях 1273, 1339 гг., ярлык под 1311 г.) и принятие отдельных политических концептов ордынского происхождения (например, улус, встречающийся в 1360, 1380, 1384, 1400, 1402, 1411 гг.) и активно использует ее в своих оригинальных сообщениях. Аристократический и автократический характер летописи зачастую сказываются в случае предпочтения ею одного из нескольких вариантов рассказа или в случае редактирования существующего повествования. С особой настойчивостью летопись стремится избежать любых упоминаний о народном вече (1262, 1327, 1382 гг.). Довольно часто принцип редакционной обработки остается неясным. В некоторых случаях на него явно влияло незнание конкретных исторических реалий, это, в свою очередь, приводит к анахронизмам (1395 г.) или, в случае самой грубой ошибки, к искажению ханской генеалогии (1239 – 1240 гг.).

Следовательно, надежность уникальных известий Никоновской летописи относительно русско-ордынских отноше-

⁶² Там же. С. 200-212.

ний, впрочем, равно как и относительно всего киевского периода истории Руси, можно считать весьма сомнительной. Они требуют дальнейшего изучения. Случаи упоминания летописью ранее неизвестных имен представителей татарской элиты, перечисленные выше (1247, 1269, 1285, 1339, 1363 гг.), не более чем первое приближение к теме; более подробный поиск даст, безусловно, более значительные результаты. Большинство оригинальных известий летописи о взаимоотношениях Руси с Ордой кажется подозрительными. Довольно сложно представить себе устные или письменные источники, снабдившие монахов московского Чудова монастыря XVI в. информацией относительно кровавых подробностей семейной жизни монгольских ханов XIV в. (1330, 1386 гг.)⁶³.

Наконец, хотя в летописи и содержится несколько ретроспективных оценок произошедших событий (например, под 1223 г.), в целом, они малочисленны, непоследовательны и неоднозначны. Летопись увеличивает число упоминаний о татарском «насилии» (1327, 1399 гг.) и ордынской «работе» (1246, 1261 гг.), выдумывает новых представителей татарской администрации (1239 – 1240, 1246, 1261 гг.), и в самых редких случаях прибегает к терминологии, связанной с признанием новой верховной власти (1380, 1399 гг.). В большинстве же случаев летопись списывает подчинение светских и церковных властей Руси ордынским правителям на «обычай», существовавший в то время, (1277, 1284 – 1285, 1317 – 1319 гг.), даже не пытаясь прояснить политическую ситуацию, определившую такой обычай (т. е., собственно, татаро-монгольское завоевание Руси), в равной степени, уклоняясь и от бурных аплодисментов в адрес того, что впоследствии получило наименование «освобождения от татарского ига». Знаменательно, что идеологические претензии Никоновской летописи не потребовали более решительной ревизии событий прошлого. Такая сдержанность в оценках, учитывая яростные антитатарские филиппики летописи, требует дополнительных объяснений. Вероятно, дело в том, что к 20 – 30-м гг. XVI в. Московская

⁶³ Отметим, что никаких хроник улуса Джучи не существовало. Подробнее об этом см.: *Halperin Ch. J. The Missing Chronicles and Historiography in the Mongol Empire // Mongolian Studies. 2000. Vol. 23. P. 1-15.*

Русь была уже чрезвычайно амбициозным и высокомерным обществом, и идеологическая осторожность едва ли могла прийти здесь ко двору.

Ко времени составления Никоновской летописи, а, возможно, и еще раньше, Московская Русь уже полностью освоила схему собственного виртуального прошлого, предполагавшую преемственность от Киева до Владимира, и от Владимира до Москвы. Места для «татарского периода» в этой схеме попросту не было, и признание верховной власти Орды над Православной Русью могло испортить всю схему славного прошлого. Причина, по которой составителям Никоновской летописи не пришлось подвергать предшествующий материал значительной идеологической обработке, заключалась в самой специфике этого материала: уже сами летописцы XIII – XV вв. столь двусмысленно отзывались о правлении Орды, были так сдержанны в признании ее верховной власти, что и авторы первой трети XVI в. легко могли использовать их материал применительно к своим целям. Никоновская летопись избегает последовательной стратегии изложения, предпочитая, как и более ранние памятники русского летописания, представлять цепочку разобщенных событий, встроенных в общую, довольно монотонную, схему религиозных причинно-следственных связей: когда Бог поддерживает русских, они побеждают татар, когда желает наказать русских за грехи, победа оказывается на стороне татар. Некоторые незначительные дополнения помогают понять, прояснить или приукрасить сведения предшествующего источника, но не более того. Никоновская летопись не пытается привлечь внимание к «освобождению» Руси от «татарского ига» в 1380 или 1480 гг.; она даже не связывает эти даты с прекращением татарского «насилия» и «работы». Мамай пытался «подражать» Батю, но не наследовал ему⁶⁴. Принцип наследственной власти мог бы объяснить, почему Сартак продолжал политику Батю, а последующие ханы продолжали политику Сартака, но Никоновская летопись тактично избегает здесь развития концепта татарской верховной власти.

⁶⁴ Мамай не был Чингизидом, следовательно, не мог наследовать Батю. Русские тексты XVI в., однако, зачастую ошибочно именуют его «царем».

История взаимоотношений Руси с Ордой, так, как она изложена в предшествующих летописях, не потребовала значительной переработки как раз потому, что уже изначально писалась в условиях серьезной самоцензуры, – своеобразного русского варианта «идеологии умолчания», к которой прибегали многие, подвергшиеся завоеванию общества Средневековья и Нового Времени, дабы избежать того вреда, который могли нанести их ценностям, статусу и самоописанию неудобные факты прошлого⁶⁵.

Авторизованный перевод с английского В. Г. Ананьева

⁶⁵ Halperin Ch. J. The Ideology of Silence: Prejudice and Pragmatism on the Medieval Religious Frontier // Comparative Studies in Society and History. 1984. Vol. 26. Pt. 3. P. 442-466. Русский перевод статьи, выполненный З. Н. Цыганенко-Исидоровой, см.: Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология. Самара, 2001. С. 65-98.